

Николай Добролюбов

**Разные сочинения С.
Аксакова**

Николай Александрович Добролюбов

Разные сочинения С. Аксакова

В настоящей статье Добролюбов продолжил анализ творчества С. Т. Аксакова, начатый им в статье «Деревенская жизнь помещика в старые годы». Критик уточнил и дополнил здесь прежние суждения, дал сжатую, меткую характеристику творческой индивидуальности писателя. В «Деревенской жизни помещика...» взгляд критика был сосредоточен на положительных, с его точки зрения, тенденциях творчества писателя. Теперь он выступает с критикой «старосветского» начала, особенно отчетливо обозначившегося в произведениях, собранных в книге «Разные сочинения». Добролюбов апеллирует теперь к мнению читателей, находивших произведения Аксакова скучными, растянутыми.

Содержание

#1	0005
Примечания	0035

**Николай Александрович
Добролюбов
Разные сочинения С.
Аксакова**

Москва, 1858

Новая книга С. Т. Аксакова никак не может вызвать серьезных критик, подобных тем, каким подвергались его «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова»{1}. Изданные ныне «Разные сочинения» имеют в себе одно свойство, которое должно заставить критику – каков бы ни был ее смысл – принять совершенно не тот характер, что прежде. Рецензент при своем разборе всегда имеет в виду, будет ли публика читать разбираемую книгу или нет. Если будет, – то критика, предполагая содержание известным, старается разъяснить его смысл, проследить развитие идей автора, высказать свое мнение о предметах, выводимых автором, и о способе их изображения. Так и поступала критика наша с произведениями г. Аксакова, изданными в последние годы. Но если многие соображения приводят критику к убеждению, что публика не будет, да и не должна, читать книги, то и разбор, очевидно, должен иметь другой смысл: он должен только дать понятие о книге, чтобы избавить любителей чтения от напрасной траты времени. Именно такого рода разбор мы считаем приличным для «Разных сочине-

ний» г. Аксакова.

Но предварительно, из уважения к таланту и литературному авторитету почтенного автора, скажем, почему мы полагаем, что его новая книга не будет читаться. Мы знаем, что он возбудил интерес в некоторой части публики своими записками об ужении рыбы и о ружейной охоте. По поводу этих книг замечено было, что г. Аксаков пишет очень хорошим слогом, с теплым чувством описывает красоты природы и имеет большие познания относительно разных пород рыб и птиц{2}. С такою репутацией оставался С. Т. Аксаков до 1856 года, когда издал «Семейную хронику»{3}. Отрывки из «Хроники» и «Воспоминаний» печатались еще прежде в разных журналах {4} и возбуждали в публике большие ожидания. Издание «Хроники» встречено было с таким восторгом, какого, говорят, не бывало со времени появления «Мертвых душ». Все журналы наполнились статьями о С. Т. Аксакове. Не все критики выказали одинаковую проницательность в определении достоинств «Семейной хроники»; но все одинаково напомнили нам те времена, в которые существова-

ли у нас *российские Пиндары, Мольеры и Волтеры*. Одни из критиков уверяли, что С. Т. Аксаков по спокойствию и ясности своего мирозерцания есть не что иное, как новый Гомер; другие утверждали, что по удивительному искусству в развитии характеров он скорее всего есть русский Шекспир; третьи, гораздо умереннее, говорили, что С. Т. Аксаков есть не более как наш Вальтер Скотт. {5} Ниже Вальтер Скотта, впрочем, ни один из критиков не спускался. Не знаем, читала ли публика все критики на С. Т. Аксакова и верила ли им, если читала; но достоверно то, что «Семейная хроника» вскоре вышла вторым изданием, {6} значит – читалась. Успеху ее, кроме несомненных достоинств изложения, много содействовало и то обстоятельство, которое помогло успеху «Старых годов» г. Мельникова, «Прошлых времен» г. Салтыкова {7} и т. п. Тут была оглядка на прошлое, на которое мы до того времени боялись оглядываться, потому что оно еще не совсем прошло для нас. Воспоминания г. Аксакова предупредили несколькими месяцами произведения гг. Щедрина, Печерского и др., и, кроме того, они

стояли степенью выше их в отношении к общественному интересу, которого преимущественно ищет теперь публика в литературных произведениях. В обличительных повестях читатели видели притчу, аллегорию, сборник анекдотов; у г. Аксакова нашли правду, быль, историю. Увлеченные своей основной идеей – карать порок, писатели-обличители делали очень часто ту ошибку, что отбрасывали в своих произведениях все, что казалось посторонним главной их мысли; оттого рассказы их и страдали часто некоторой искусственностью и безжизненностью. У г. Аксакова не было такого одностороннего увлечения; он просто писал прожитую и прочувствованную им правду, и оттого в книге его явилось более жизненности и разносторонности; общественные интересы группировались с частными, задушевными и выражались в книге именно настолько, насколько имели они значение в самой жизни автора. Таким образом, книга С. Т. Аксакова поражала своей простотой, задушевностью, отсутствием натяжек и заданных положений. Читатели охотно прощали автору и некоторую

растянутость его описания, и ненужные повторения одного и того же в разных местах книги, и подогретый лиризм по поводу явлений давно минувших, и остатки некоторых раболепных отношений к разным знаменитостям, с которыми автор встречался в молодости. Все это прощалось ему за те живые страницы, в которых представлял он живые типы Багровых, Куролесовых, описывал свое гимназическое и университетское воспитание, передавал свежие впечатления природы, окружавшей его детство. «Семейная хроника» и «Воспоминания» г. Аксакова ясно и прямо говорили читателю, что это живая быль, а не выдумка, *в самом деле*, а не *нарочно*, — преимущество, которого лишена была большая часть обличительных повестей наших. И вот чем, по нашему мнению, всего более объясняется успех книги г. Аксакова в нашей публике, обыкновенно так равнодушной к художественным достоинствам, а в настоящее время особенно падкой к интересам общественным. Критика не обратила в свое время должного внимания на эту сторону отношений «Семейной хроники» к современным читателям и

занялась почти исключительно разбором художественной формы ее. Держась своей точки зрения, критика с прежней восторженностью встретила и «Детские годы Багрова», изданные г. Аксаковым в прошлом году. В них находили то же мастерство рассказа, ту же задушевность и простоту, то же умение живописать природу, и потому ожидали, что они будут иметь такой же успех, как и «Семейная хроника».{8} Но публика вовсе не обнаружила к новому произведению г. Аксакова прежнего энтузиазма; «Детские годы» показались скучными, восторженные журнальные похвалы им возбуждали смех в читателях; из всех критик на г. Аксакова более всех понравилась самая строгая (в «Атенее»), хотя вся сущность ее заключалась в весьма основательном и остроумном развитии одной главной мысли: «что книга г. Аксакова была бы хороша, если бы не была слишком растянута».{9} Мы тоже разбирали тогда «Детские годы» и, чувствуя, что не могли бы удержаться от смеха, если бы вздумали рассуждать об их художественных достоинствах, решились собрать из всей книги те крупинцы общеинте-

ресных фактов, которые были разбросаны в «Детских годах» между многими сотнями рыболовных, пищеварительных и чертежнических подробностей. Составляя свой разбор, мы и тогда имели в виду, что публика будет плохо читать новую книгу г. Аксакова; но мы не хотели явиться зловещими пророками для автора и заметили тогда: «Авторитет С. Т. Аксакова установлен публикой, – пусть же она сама и уничтожит его, если хочет; критике же вовсе нет надобности кричать в этом случае наперекор публике, потому что деятельность г. Аксакова не включает в себе ничего вредного и неблагородного».{10}

Наши предположения сбылись, к сожалению, скорее и полнее, нежели мы ожидали; совершенное равнодушие, даже некоторое пренебрежение и насмешливость явились теперь в публике вместо прежнего восторга к трудам г. Аксакова. В «Русской беседе» прошлого года постоянно печатались его «Литературные и театральные воспоминания»{11} и постоянно пропускались мимо даже читателями «Беседы». Все уже успели узнать, что талант г. Аксакова слишком субъективен для

метких общественных характеристик, слишком полон лиризма для спокойной оценки людей и произведений, слишком наивен для острой и глубокой наблюдательности. В «Воспоминаниях», изданных вместе с «Хроникой», видно уже было, что С. Т. Аксаков *слишком несвободно* относится к тем личностям и явлениям жизни, которые занимали его молодость. И там уже не совсем приятно поража́л по местам пафос автора, обращенный на удочки, на благородные спектакли и на знаменитости, подобные Шушерину, Кокошкину и т. п. В новых воспоминаниях ожидали еще сильнее́шего пафоса, еще более мелочности, и не ошиблись. Вследствие того – литературная слава С. Т. Аксакова исчезла так же быстро, как и возникла, и новая книга его была встречена с холодностью, которая граничит с пренебрежением. Недавно мы слышали даже уподобление новых воспоминаний С. Т. Аксакова запискам того господина, отрывок из дневника которого помещен был в прошлом году в «Современнике» (в «Заметках Нового поэта»). *РВ*, 1856, кн. 1, и 1858, кн. 9–11. {12} Мы от всей души желали бы опровергнуть небла-

гоприятное мнение публики разбором «Разных сочинений» г. Аксакова; но, к несчастью, они вполне оправдывают разочарование читателей, как сейчас увидим.

Более половины книги «Разных сочинений» занимают литературные и театральные воспоминания. Более половины остальной части – «Биография Загоскина». Затем в книге находятся мелкие статьи: «Буран», «Несколько слов о М. С. Щепкине» и «Воспоминание о Д. Б. Мертваго». В приложениях перепечатаны из старых журналов еще три коротенькие статейки г. Аксакова, писанные тридцать лет тому назад: «О заслугах кн. Шаховского в драматической словесности», «О романе Юрий Милославский» и «Письмо к издателю «Московского вестника» о Пушкине». Желая дать понятие о характере «Литературных и театральных воспоминаний» сравнительно с прежними воспоминаниями г. Аксакова, мы воспользуемся одним замечанием его о Мочалове. По словам г. Аксакова, Мочалов был очень хорош тогда, когда играл совершенно просто. В одной пьесе он восхитил своей игрой кн. Шаховского, и тот заставил повторить

пьесу и просил в театр какую-то важную особу из приезжих, нарочно затем, чтоб посмотреть игру Мочалова. Узнав об этом, Мочалов, но словам С. Т. Аксакова, «постарался и сыграл невыносимо дурно». Нечто подобное произошло и с автором «Семейной хроники». Заметив, что на него устремлено общее любопытство, услышав похвалы своему слогу, задушевности и правде своих воспоминаний, С. Т. Аксаков, видимо, начал *стараться*, и результат вышел вроде мочаловского. Все недостатки, бывшие в зародыше в «Хронике» и «Воспоминаниях», страшно разрослись теперь и заслонили собою скромные достоинства, успевшие уберечься от тлетворного влияния *стараний* г. Аксакова. И в прежних воспоминаниях были у почтенного автора лирические страницы, на которых говорилось, например: «С каким сердечным трепетом ожидал я, бывало, половины шестого, чтобы идти на Сенную площадь – к Шушерину!.. До сих пор не могу вспомнить без восхищения об этом блаженном времени!» – или: «Невозможно передать словами того, что я чувствовал и какую ночь провел я в ожидании бла-

женной минуты, когда буду представлен Шишкову»; – или: «Я опьянел от восторга и счастья, удостоившись читать Державину его стихи! Да будет благословенно искусство чтения, озарившее скромный путь моей жизни таким блаженством, воспоминание о котором до сих пор проливает отраду во все существо мое!»{13} В прежних воспоминаниях были также и подробности весьма специальные, вроде того, что в такой-то сцене, на таком-то представлении, Бобров был дурен, а Семенова – прелестна, что актер Фьяло очень натурально играл роль Неизвестного, что на таком-то домашнем спектакле у одного из благородных артистов нечаянно камзол расстегнулся, а С. Т. Аксаков взял да и застегнул его, и т. п. Но все это решительно ничего не значит в сравнении с той обстоятельностью, какою отличаются новые воспоминания г. Аксакова. Прежде у него изображались по крайней мере – Державин, Шишков, Шушерин; теперь являются перед нами Николев, Ильин, Кокошкин, Шаховской, Писарев и пр. И говоря об этих людях, автор до сих пор обнаруживает некоторые остатки наивного подобостра-

стия, которым был к ним проникнут в своей молодости. «Такой-то меня обласкал... Этот очень полюбил... Этот обошелся со мной очень благосклонно» – вот выражения, в которых г. Аксаков рассказывает о своих литературных знакомствах. И не подумайте, чтобы такие отношения существовали в то время, когда автор был еще скромным юношей; нет, так было постоянно – до тех пор, пока С. Т. Аксаков сам не сделался «патриархом русской литературы». Вот, например, как говорит он о своем знакомстве с кн. И. М. Долгоруким в 1821 году, когда автору «Воспоминаний» было уже *тридцать* лет. Увидел его Иван Михайлович на одном домашнем спектакле и расхвалил. «*Мне совечно, – трогательно замечает автор через тридцать восемь лет, – повторять его похвалы, которые были, конечно, чересчур преувеличены...*» Затем он продолжает: «С этих пор князь меня очень полюбил. Я много читывал ему из его ненапечатанных сочинений, и в том числе огромную трагедию, в три тысячи варварских стихов, которая происходила в неведомом месте, у неизвестного народа. Впрочем, сочинитель

сам подсмеивался над своим творением» (стр. 67). Итак – угодливость автора не ограничивалась тем, что он в цветущей юности с восторгом читал Державину нелепые его трагедии: он то же самое делал в тридцатилетнем возрасте для князя И. М. Долгорукова, который сам над собою смеялся! То же самое делал он и для Николева, которого, как сам говорит, и не уважал вовсе. В первое свидание с Николевым он сказал, что «был бы счастлив, если б мог услышать что-нибудь из его трагедии «Малек Адель». Николев начал декламировать, С. Т. Аксаков был увлечен и превозносил автора искренними похвалами, и ему навеки «врезались» в память следующие четыре сильные стиха:

*Блистал конь бел под ним, как
снег Атлантских гор,
Стрела летяща – бег, света горя-
ща – взор,
Дыханье – дым и огонь, грудь и ко-
пыта – камень,
На нем Малек Адель, или сраже-
ний пламень.*

В благоговейном внимании к памяти Ни-

колева, г. Аксаков и теперь обращается с этими стихами как с некою святыней. К слову «блистал» – он делает примечание: не отвечаю за слово «блистал»; иногда мне кажется, что вместо него стояло: «сверкал» (стр. 15). Видите, какая добросовестность!.. Научитесь, юноши, как должно чтить предания!..

Таким милым характером отличается вся книга, за исключением тех мест, где дело касается Полевого. «Московский телеграф» – единственная тучка, потемняющая светлый мир воспоминаний г. Аксакова. О Полевом до сих пор не решается он сказать доброго слова, {14} он пространно обвиняет его в «дерзости, происходившей от самонадеянного, поверхностного знания», с заметным удовольствием повторяет он выдохшиеся куплеты Писарева против издателя «Телеграфа»; {15} не без самодовольствия припоминает он следующий подвиг своего цензурного поприща: «Издатель «Московского телеграфа» сначала пробовал сблизиться со мной, но я откровенно сказал ему, что только как цензор я могу быть в сношениях с г. Полевым». Но особенное наслаждение возбуждается в С. Т. Аксакове воспо-

минанием о том, как при Полевом удалось ему прочесть из своего перевода сатиры Буало стихи, которые можно было приложить к самоучке-журналисту;{16} об этом знаменательном событии он рассказывает на трех страницах (220–222)!..

За исключением Полевого, С. Т. Аксаков невыгодно отзывался еще – только о своем товарище по цензуре К. М.,{17} который был уже очень свиреп. Остальные все милы почтенному автору, и он с неподражаемым добродушием сообщает миру задним числом бюллетени о состоянии их здоровья, сведения о том, когда они вставали и ложились в разное время своей жизни, какой почерк имели, как пришепетывали и т. п. Мы убеждены, что любой из наших библиографов счел бы себя счастливым, если бы мог достигнуть такой мелочной обстоятельности, до которой возвысился С. Т. Аксаков. Смеем уверить, что в «Театральных воспоминаниях» г. Аксакова кажутся еще очень крупными факты, подобные следующим:

В продолжение зимних месяцев 1827 года, прежде других пьес, именно 7 ян-

варя, шел переведенный Писаревым с французского премиленький водевиль «Дядя напрокат», о котором я уже упоминал (стр. 137).

13 января, в бенефис актрисы 2-жи Борисовой, была дана большая трилогия князя Шаховского «Керим-Гирей», взятая из «Бахчисарайского фонтана», с удержанием многих стихов Пушкина. Общего успеха она не имела; но многие места были приняты публикой с увлечением (стр. 139).

Бенефис 2-жи Синецкой, бывший 27 января, заканчивался небольшим водевилем Писарева, также переведенным с французского: «Две записки, или Без вины виноват». Этот водевиль слабее других писаревских водевилей; но куплеты, как и всегда были остроумны, ловки и метки. Переводчик был вызван. – Щепкин дал в свой бенефис (4 февраля) очень большую комедию в прозе (подражание английской комедии «The way to keep him» [1]) под названием: «Школа супругов», переведенную с французского Кокошкиным. Комедия имела много существенных достоинств, но была тяжела, длинна и на-

скутила публике (стр. 140).

Это – крупные факты; это, так сказать, абрис того узора, по которому г. Аксаков лепит мозаику своих воспоминаний о том, как такой-то актер или актриса держали себя во время представления или на репетициях.

В предисловии к воспоминаниям своим С. Т. Аксаков говорит, что издает их как материал для истории литературы и как знак уважения и благодарности к людям, более или менее даровитым, но не отмеченным таким ярким талантом, который, оставя блестящий след за собою, долго не приходит в забвение между потомками. Намерение очень похвальное; но скажите, бога ради, о многоученые библиографы, неужто вы сумеете извлечь что-нибудь для истории литературы, – например, хоть из рассказов о том, как С. Т. Аксаков с Писаревым, Шаховским и Кокошкиным рыб удил на Седринском озере?.. Может быть, вы внесете в характеристику этих писателей следующие факты:

Я громко стал требовать возвращения домой, где ожидал нас завтрак: сейчас избитое сливочное масло, ре-

дис, только что вынутый из парника, творог, сметана, сливки и пр. Требования мои были уважены.

Писарев встретил нас с сияющим лицом; лов был удачен, а рыба клевала очень хорошо: он поймал двух щук, из которых одну фунтов в шесть, и десятка полтора окуней; в числе их были славные окуни, с лишком по фунту (стр. 163).

Рано позавтракав, рано сели обедать, а после обеда все легли спать, в том числе и я... (стр. 168).

К большой радости Писарева, на другой день ужение было так же удачно и с большой лодки, как и с маленькой, особенно потому, что накануне было выброшено много снулой рыбешки и червей: это была отличная прикормка для хищной рыбы. Окунь и щука точно дожидались нас, и в короткое время мы поймали также двух щук и более вчерашнего крупных окуней. Часу в двенадцатом мы отправились в Москву (стр. 170).

Мы не знаем, что извлечет будущий историк нашей литературы из того, что С. Т. Аксаков с товарищами ел сейчас избитое масло,

редис, только что вынутый из парника, сметану, творог и пр. и что Писарев поймал двух щук – одну фунтов в шесть, и т. д.... Но нас интересует вопрос: теперь ли только г. Аксаков вспомнил все это или тогда же все записал – предупреждая, таким образом, известного гоголевского героя,{18} писавшего: *«Сия дыня съедена такого-то числа»*, и если кто присутствовал, то: *«Участвовал такой-то»*...

Впрочем, может быть, С. Т. Аксаков излагал все вышеприведенные подробности – не по причине исторической их важности, а вследствие художественности своей натуры, увлекавшей его к начертанию полной и живой картины... Может быть!.. Против художественности г. Аксакова мы ничего не можем сказать; мы действительно изумлялись тому мастерству, с каким он вводит нас в круг тех бедных и жалких интересов, которыми поглощены были его молодые годы. Чем-то нездешним, не нашим повеяли на нас его простодушные, любезные воспоминания о тех временах, когда постановка пьесы на домашнем театре казалась важным делом и запечатлевалась в памяти на всю жизнь; когда хо-

рошее прочтение каких-нибудь стихков давало человеку репутацию и было предметом долгих разговоров между образованными людьми; когда водевильный каламбурец праздновался торжественным ужином; когда друзья-литераторы занимались изобретением разных хитростей, чтоб избавить себя от слушания сочинений своего друга литератора; когда дружеская деликатность не позволяла откровенных объяснений с другом, у которого начиналась чахотка; когда один литератор бросался на шею к другому и чуть не со слезами обнимал и целовал его за то, что тот дал ему хорошую удочку... Картина этих *старосветских литераторов* недурно набросана С. Т. Аксаковым, но – только набросана. Какое же сравнение с «Старосветскими помещиками»! Там все так ровно, ярко, цельно, закончено; а здесь все отрывочно, слабо, неопределенно. Видно, что С. Т. Аксаков *не выносил* еще в душе своей идею своего произведения (если только он хотел создать из своих воспоминаний художественное целое). В его рассказах мало объективности, лирические порывы беспрестанно мешают эпическому спо-

койствию рассказа; заметно, что автор недостаточно возвысился над тем миром, который изображает. Оттого и герои, выведенные им, не производят на читателя того умилительного, грустного, кроткого и примиряющего впечатления, как гоголевские Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна...

В доказательство того, что г. Аксаков недостаточно выработал свои воспоминания в художественном смысле, мы укажем на один эпизод их, который был им забыт и вставлен после, тогда как он составляет решительно лучшее место в новой книге г. Аксакова, и даже единственное, которое мы прочли с полным сочувствием. Эпизод этот превосходно гармонирует с старосветским обществом, рисующимся в «Воспоминаниях», и бросает яркий свет на одно из обстоятельств его развития. Приведем здесь вполне рассказ г. Аксакова:

Начинаю продолжение моих «Воспоминаний» пополнением пропуска, сделанного мною в предыдущей статье. Я ни слова не сказал о замечательном спектакле, которого был самовидцем в

1826 году, вскоре по приезде в Москву. Это был спектакль-гротис для солдат и офицеров. Фрака не было ни одного в целом театре, кроме оркестра, куда иногда и я приходил, остальное же время я стоял или сидел за кулисами, но так глубоко, чтобы меня не могли увидеть из боковых лож. Спектакль этот шел 13 сентября. В шесть часов вечера я приехал в театр. Ни одного экипажа не стояло около него. Я взглянул в директорскую ложу и был поражен необычайным и невиданным мною зрелищем; но чтоб лучше видеть полную картину, я сошел в оркестр: при ярком освещении великолепной залы большого Петровского театра, вновь отделанной к коронации, при совершенной тишине, ложи всех четырех ярусов (всего их находится пять) были наполнены гвардейскими солдатами разных полков; в каждой ложе сидело по десяти или двенадцати человек; передние ряды кресел и первый ярус лож, предоставленные генералам, штаб- и обер-офицерам, были еще пусты. Скоро стали наполняться и они, кроме последних двух ря-

дов кресел, которые наполнились вдруг перед самым приездом государя. Всего более поражала меня тишина, которая безмятежно царствовала при таком многочисленном стечении зрителей: даже на сцене и за кулисами было тихо, или по крайней мере гораздо тише обыкновенного, несмотря на то что все актрисы и актеры, танцовщицы, хористы и пр. были давно одеты и толпились на сцене. Некоторые посматривали сквозь занавесь на чудный вид залы и лож, полных невиданными зрителями в разноцветных мундирах, сидящими неподвижно, как раскрашенные восковые фигуры. Все служащие при театре, которым следовало тут присутствовать, были в мундирах. Наконец пробежал слух, что сейчас придет государь, – и Кокошкин, Загоскин и Арсеньев поспешили его встретить у подъезда. Через несколько минут в боковую малую императорскую ложу вошел государь и, не показываясь зрителям, сел на кресло в глубине ложи; в большой царской ложе помещались иностранные послы. По данному знаку загремел оркестр, и через несколько

минут, не дожидаясь окончания увертюры, поднялась занавесь, и началась известная, очень забавная комедия князя Шаховского «Полубоярские затеи», за которую следовал его же водевиль: «Казак-стихотворец». Я слышал, что обе пьесы были назначены самим государем. Тишина не прерывалась, и я не могу описать, какое странное действие она на меня производила. На сцене кипела жизнь, движение, звучали людские речи, кругом царствовали безмолвие и неподвижность! Если бы пьеса давалась в пустом театре, то это было бы естественно; но театр был полон людьми от верху до низу. Я сидел в самой середине оркестра и видел, что государь часто смеялся, но не хлопал, – и ни малейшего знака одобрения или участия не выражалось между зрителями. Все актеры, начиная со Щепкина, игравшего главную роль, Транжирина, до последнего официанта, все играли совершенно свободно; а Щепкин, как говорили выдавшие его прежде в этой роли, превосходил самого себя. Я не удивлялся Щепкину: это такой артист, для которого зрители

не существуют; но я удивлялся всем другим актерам и актрисам. Я думал, что эта подавляющая тишина, это холодное безучастие так на них подействует, что пьеса будет играть вяло, безжизненно и роли будут сказываться наизусть, как уроки, которые сказывают мальчики, не принимающие в них никакого участия, стоя перед своим строгим учителем; но комедия шла живо и весело, как будто сопровождаемая теплым сочувствием зрителей. Пьесы кончились точно так же тихо, как и начались. Государь уехал; театр ожил, зашумел, зрители в ложах встали и стройно, без всякой торопливости и суеты, начали выходить. Я поспешил увидеть, как эти маленькие отдельные кучки станут соединяться в толпы, выходя из театра. Все происходило в удивительном порядке. Я сел на дрожки и отправился в свою Таганку. По всей дороге я обгонял множество солдат, идущих уже вольно и разговаривающих между собою. Это тоже было необыкновенное зрелище. В глухом гуле и мраке ночи, по улицам довольно плохо освещенной Моск-

вы, особенно когда я переехал Язузу, по обоим тротуарам шла непрерывная толпа людей, веселый говор которых наполнял воздух. Солдаты шли по одной со мной дороге; они жили в Крутицких казармах [2]. Я поехал шагом, желая вслушаться в солдатские речи; но в общем говоре мало долетало до меня отдельных выражений. Я думал, что виденный сейчас спектакль будет единственным предметом разговоров, но я ошибся: солдаты говорили, судя по долетавшим до меня словам, о своих делах; впрочем, раза два или три речь явственно относилась к театру, и я слышал имя Щепкина с разными эпитетами: «хвата, молодца, лихача» и пр. Иногда они сопровождались такими прилагательными, которые в других случаях имеют смысл бранных слов; но здесь это были слова похвальные или знаки восклицания, которыми русский человек очень энергически любит украшать свою речь. Впечатление виденного мною спектакля долго владело мною и навело меня на множество размышлений. Можно себе представить, какое действие произвело

это зрелище на иностранцев!..

Повторяем: это единственные страницы в «Разных сочинениях», привлекшие наше полное сочувствие. Мы сочли необходимым представить их нашим читателям, которые, не читая книги г. Аксакова, не должны, однако, лишиться удовольствия прочесть этот великолепный эпизод.

Вся остальная часть книги отличается тем же характером сладкого добродушия, как и «Воспоминания». «Биография Загоскина» есть дружеский некролог, донельзя растянутый приторными похвалами таланту и характеру Загоскина. В *приложениях* помещен разбор «Юрия Милославского», писанный г. Аксаковым в 1830 году. Он говорит, что читателям, вероятно, любопытно будет сравнить мнения одного и того же человека через 22 года (биография Загоскина писана в 1852 году). Мы сравнили – и не нашли никакой разницы. Те же сравнения с Вальтер Скоттом, то же умиление от русской веселости Загоскина, то же провозглашение его единственным нашим народным писателем. Время не ослабило энтузиазма почтенного автора, а, напротив, ка-

жется, еще увеличило его. Разбирая, на целых десяти страницах, «Мирошева», С. Т. Аксаков говорит, что во время его появления *рано еще было*, вероятно, оцепить его достоинства, но что «теперь, когда мы прямее, искреннее смотрим на нравственную высоту души и лучше начинаем понимать русского человека», Мирошев будет, конечно, оценен гораздо выше. По мнению г. Аксакова, Мирошев этот засушенный кисель, расплывающийся и трескающийся от всякой сырости, – есть идеал русского добродетельного человека и истинного героя.^{19} «Это русский человек-христианин, – говорит автор биографии, – который делает великие дела, не удивляясь себе, а думая, что так следует поступить, и только русский человек-христианин, каким был Загоскин, мог написать такой роман» (стр. 299). Такова критика Загоскина как писателя. Суждение о его личности выражается в следующих заключительных словах дифирамбического некролога, весьма приличных надгробному слову: «В заключение должно сказать, что ко всем прекрасным свойствам своего счастливого нрава, к младенческому незлобию души

и неограниченной доброте Загоскин присоединял высшее благо – теплую веру христианина... Да будет мир его душе».

Такова старосветская биография и критика. Нет надобности говорить, что статьи о Шаховском, Щепкине, Мертваго отличаются тою же нежностью. В воспоминаниях о Мертваго понравилась нам поэтическая страница, посвященная его «дому, у Красных ворот, в приходе Трех святителей, принадлежавшему, после смерти Д. Б. Мертваго, сначала А. П. Елагинной, а потом покойному сыну ее, И. В. Киреевскому».

Но как ни трогательна такая обстоятельность, а мы не совсем были рады, узнавши, что нам угрожает еще более обстоятельное изложение воспоминаний г. Аксакова из его отроческой и юношеской поры. Один из критиков заметил автору, что его воспоминания о гимназии и университете – слабы; {20} С. Т. Аксаков отвечает ему ныне: «Я сам это чувствовал, когда писал их; эта часть воспоминаний требует *более подробной* (увы!) и более последовательной, живой разработки; не знаю, удастся ли мне поправить эту ошибку»

(стр. 332). Господи, – кабы не удалось!

Вообще, отдавая полную справедливость чистоте и кротости старосветских понятий, которых представителем и рыцарем является Г. Аксаков в своих воспоминаниях, мы не можем, однако, удержаться от повторения вопроса, который задавал когда-то еще Белинский, разбирая «Старосветских помещиков». Сказавши о тихом, умиляющем впечатлении, возбуждаемом этими добрыми, милыми людьми, Белинский замечает: «Но что, если бы вас спросили, хотите ли вы быть Афанасьем Ивановичем или провести всю жизнь в обществе таких людей?..» Белинский отвечает на это: «*Нет*», {21} и С. Т. Аксаков, конечно, согласится с нами, ежели мы скажем, что то же самое ответит каждый из современных читателей, которому случится пробежать несколько страниц из «Литературных и театральных воспоминаний».

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 2, отд. III, с. 237–249, без подписи.

В настоящей статье Добролюбов продолжил анализ творчества С. Т. Аксакова, начатый им в статье «Деревенская жизнь помещика в старые годы» (см. наст. изд., т. 1). Критик уточнил и дополнил здесь прежние суждения, дал сжатую, меткую характеристику творческой индивидуальности писателя.

В «Деревенской жизни помещика...» взгляд критика был сосредоточен на положительных, с его точки зрения, тенденциях творчества писателя. Теперь он выступает с критикой «старосветского» начала, особенно отчетливо обозначившегося в произведениях, собранных в книге «Разные сочинения». Добролюбов апеллирует теперь к мнению читателей, находивших произведения Аксакова скучными, растянутыми. В «Деревенской жизни помещика...» критик совсем иначе

оценивал мелочность воспоминаний Аксакова в «Детских годах Багрова-внука» и, напротив, оспаривал мнение об «утомительности», «растянутости»: «В истинном историческом повествовании каждая подробность может при случае пригодиться, если не тому, так другому» (наст. изд., т. I, с. 422; любопытно, что в предисловии к «Разным сочинениям» Аксаков чуть не дословно повторил это суждение, на что Добролюбов в новой статье отреагировал иронически: «услышав похвалы... правде своих воспоминаний, С. Т. Аксаков, видимо, начал *стараться*»). Столь резкий поворот, происшедший всего лишь за год, объясняется, во-первых, усилением радикальных взглядов Добролюбова в период нарастающей революционной ситуации, а во-вторых, и смелой самого литературного материала, который он анализирует, а именно усилением консервативных тенденций в новых мемуарных сочинениях Аксакова (хотя «Литературные и театральные воспоминания» печатались в «Русской беседе» еще в 1856 и 1858 гг., Добролюбов выработал критическое отношение к ним, лишь когда они вошли, собранные

вместе, в книгу «Разные сочинения»).

Подробность воспоминаний в «Семейной хронике» позволяла воссоздать в деталях объективную картину крепостнического уклада жизни, в то время как подобное же качество «Литературных и театральных воспоминаний» не давало критику революционно-демократического лагеря материала для социальных обобщений (кроме разве того эпизода «казарменного» театра, который полностью приводится Добролюбовым).

Конкретно-исторический подход требует, однако, объективно представить значение аксаковских мемуаров, не попавших «в тон» своей эпохи. Они, со свойственной Аксакову-художнику обстоятельностью и подкупающим простодушием, рисуют картину духовной жизни русского общества 10–20-х гг. XIX в., дают богатый материал для изучения литературного и театрального быта, чего не учел Добролюбов. Полемические крайности его статьи (утверждение о безнадежной мелочности аксаковских мемуаров; оспорил в своей рецензии на ту же книгу П. И. Вейнберг (БдЧ, 1859, № 3), хотя и он во многом согласил-

ся с критиком «Современника».

Сноски

1

«Способ удержать его» (англ.). – *Ред.*

[^^^]

2

Разумеется, это была часть солдат, бывших в театре. Некоторым пришлось возвращаться в лагерь на Ходынке. – *С. А.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

См. наст. изд., т. 1, с. 821, примеч. 1.

[^^^]

2

Записки об уженье. М., 1847 (2-е изд. – Записки об уженье рыбы. М., 1854; 3-е – 1856); Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М., 1852; 1853; 1857. Языком второй аксаковской книги восхищался И. С. Тургенев в своем отзыве (*Совр.*, 1852, № 4 и 1853, № 1), об этом также писали другие критики (*ОЗ*, 1852, № 6; *Сын Отечества*, 1852, № 10). О «чистом русском языке» «Записок об уженье» писал «Финский вестник» (1847, № 6, отд. V, с. 2). О знании Аксаковым пород рыб и птиц говорилось в рецензии на «Записки об уженье» (*Совр.*, 1847, № В).

[^^^]

3

Семейная хроника и воспоминания. М., 1856.

[^^^]

4

Отрывки из «Семейной хроники» печатались в «Московском литературном и ученом сборнике» (М., 1846), «Москвитяине» (1854), «Русской беседе» и «Русском вестнике» (1856), а из «Воспоминаний» один отрывок – *PВ*, 1856, январь, кн. 1, и очерк «Яков Емельянович Шущерин...» в «Москвитяине» (1854, № 10, 11).

[^^^]

5

С В. Скоттом Аксакова сравнивал П. В. Анненков в статье «С. Т. Аксаков и его Семейная хроника» (*Совр.*, 1856, № 3). «Русским отголоском Одиссеи» назвал «Детские годы Багрова-внука» С. П. Шевырев в рецензии на эту книгу в «Москвитянине» (1858, № 2, отд. III, с. 75, 92).

[^^^]

6

В том же 1856 г.

[^^^]

7

Повесть П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы» (РВ, 1857, июль, кн. 1) и два очерка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Прошлые времена» (РВ, 1856, август, кн. 2) из «Губернских очерков».

[^^^]

8

Об этом писали в рецензиях на «Детские годы...» Шевырев (см. примеч. 5) и А. Бекетов (РВ, 1858, март, кн. 2).

[^^^]

9

Об этом писал в своей рецензии А. Станкевич (Атеней, 1868, № 14, с. 357).

[^^^]

10

Добролюбов неточно передает свою мысль из статьи «Деревенская жизнь помещика...» (ср.: наст. изд., т. 1. с. 417).

[^^^]

11

PВ, 1856, кн. 1, и 1858, кн. 9–11

[^^^]

12

Имеется в виду отрывок из дневника Максима Ивановича Фаворского, под именем которого был выведен председатель Комитета иностранной цензуры мракобес, А. И. Красовский (Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта <И. И. Панаева>. – *Совр.*, 1858, № 4, отд. II, с. 207–209).

[^^^]

Несколько измененные (Добролюбов усилил напыщенную риторику) цитаты из статей Аксакова «Яков Емельянович Щушерин и современные ему театральные знаменитости», «Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове», «Знакомство с Державиным» (все три вошли в кн.: Семейная хроника и воспоминания. М., 1856; см. соответственно с. 392, 464, 530 и 546).

[^^^]

Добролюбов не совсем прав. Аксаков писал: «Теперь можно хладнокровно рассуждать о прошедшем и находить даже пользу в существовании «Московского телеграфа» – пользу отрицания. Отрицание было необходимо, и Полевой, имевши много русской сметливости, ловкости, не лишенный даже некоторого дарования, служил выражением этого отрицания» (Аксаков С. Т. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 3. М., 1966. с. 71). В целом же, действительно, буржуазно-просветительское, либеральное направление «Московского телеграфа», к тому же нападавшего на А. И. Писарева, Загоскина, Шаховского, было чуждо Аксакову.

[^^^]

15

Аксаков привел (с. 231–233) куплеты из водевиля «Три десятки, или Новое двухдневное приключение»: «Журналист без просвещения» и «Всем мил цветок оранжерейный и всем наскучил полевой».

[^^^]

16

Из восьмой сатиры «На человека», где к Полевому могли быть отнесены: «мелочей издатель», «любимцев публики бессовестный ласкатель», «перо завистливое» и т. п.

[^^^]

17

Князь Мещерский, председатель Московского цензурного комитета.

[^^^]

18

Иван Иванович из повести «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

[^^^]

19

В полемике с Аксаковым Добролюбов разделяет резко критическое суждение Белинского, высказанное в рецензии «Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II. Сочинение М. Н. Загоскина» (Белинский, VI, 31–52).

[^^^]

20

Об этом писал автор пространной рецензии на «Семейную хронику и воспоминания» Н. Г. в (РВ, 1856, кн. 1, отд. III, С. 56).

[^^^]

21

Добролюбов неточно передает мысль Белинского из статья «О русской повести и повестях г. Гоголя» Ср.: «...вы плачете о них, о них, которые только пили и ели и потом умерли! О, г. Гоголь истинный чародей, и вы не можете представить, как я сердит на него за то, что он и меня чуть не заставил плакать о них...» (Белинский, I, 292).

[^^^]

[^^^]